

УДК 17.02 (09.00.05)

А. В. Платонова

НА ПУТИ К КОНЦЕПЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассматривается идея коллективной ответственности, формирование дискурса которой вызвано изменившимся характером технической деятельности. Показывается, что индивидуальная ответственность является ограниченной в условиях сложноорганизованной коллективной практики. Обращение исследователей к идее коллективной ответственности также наталкивается на ряд противоречий, через экспликацию которых в статье намечаются пути их возможного преодоления.

Ключевые слова: *моральная ответственность, индивидуальная, коллективная, корпоративная ответственность, научно-техническая деятельность.*

Проблема предотвращения негативных последствий научно-технического развития сегодня приобретает экзистенциальное значение, поскольку она затрагивает самого человека, его природу, будущее. Под воздействием научно-технической деятельности «происходят глубокие культурные и социальные трансформации во всех сферах современного социума. Однако лавинообразно нарастающие изменения затрагивают не только социокультурную сферу, – подчеркивает Е. А. Жукова, – но и самого человека. Высокие технологии влияют на образ жизни, ценности и телесность современного человека. Существенно изменяются способы его существования» [1, с. 34].

Философская рефлексия в отношении технической деятельности существует в рамках такого раздела, как философия техники, где раскрываются онтологические, гносеологические, аксиологические и ее этические аспекты. Фактически – это философия человека, и проблемы, порожденные научно-техническим развитием, – это проблемы, отражающие фундаментальные отношения человека и природы, человека и общества, человека и культуры. Экспансия технологической рациональности во все сферы жизни, то, что мы называем прогрессом, должна быть заключена в этические рамки, в новую или модернизированную этическую систему. «...Человеческое понятие прогресса должно означать не вымирание других творений природы и в то же время омертвление душевных и чувственных потенций человека, – говорит нам Х. Сколимовски, – но скорее увеличение своеобразия человека, которое свершается главным образом через расширение его духовности» [2].

Поэтому существенным оказывается вопрос о том, какая моральная способность человека отвечает специфическим потребностям техногенной цивилизации? Если развитие техники, ее новации приводят к конфликту ценностей, делают неизбежным выбор, то этот выбор обязательно сопряжен с ответственностью. Все же очевидная необходимость быть ответственным сегодня не является достаточным основанием для ее принятия. Более

того, наблюдается кризис ответственности, который согласно У. Хорозу «выражается в разрыве между ответственностью “за” и ответственностью “перед”» [3].

Следствием кризиса является прежде всего тенденция утраты самого чувства ответственности. Освобождение от ответственности становится одной из ценностей современного общества [4], всерьез обсуждаются идеи возложения ответственности на информационные системы, которые сегодня все в более растущем объеме принимают решения [5]. Исчезновение морального измерения ответственности, сведение ее к юридическому, ролевому содержанию, т. е. принятие только внешних форм ответственности [6], тогда как, например, моральная ответственность относится к внутренней составляющей личности, является неотчуждаемой, целостной, неделимой и персональной.

Очевидно, что причины сложившейся ситуации следует искать, с одной стороны, в самой идее ответственности, с другой стороны, в характере тех изменений, которые возникают в современном мире под воздействием технической деятельности. Прежде всего понятие ответственности имеет дело с личностью, способной избирательно и сознательно воздействовать на окружающую действительность с учетом возможных последствий своих действий, правильно понимать нужды как других людей, так и свои собственные. Чувство ответственности, которое испытывает личность, предполагает переживание своей значимости, реального влияния на положение дел, ощущение определенной власти над происходящими событиями и соответствующего уважительного отношения людей.

Так, основанием для ответственного поведения, по мысли М. Бахтина, является то, что каждый человек занимает единое и единственное место в бытии. Человек как уникальная точка, которую никто не может в конкретный момент заменить. В любую минуту каждый находится на своем и только своем месте – в обществе, в культуре, в межличностных отношениях, и именно с этого места он должен действовать [7].

Речь идет о концепции индивидуальной ответственности, основанием которой являются представления о достоинстве человеческой личности, ее уважения и отношения к ней как автономному бытию, мерой свободы человека задается и мера его ответственности. Сфера ответственности – это сфера частных моральных обязательств, где нравственное взаимодействие человека – это взаимодействие лицом к лицу и нравственная оценка действий производится из непосредственного результата, исходя из соответствия моральному закону, идее блага. Оценка последствий осуществляется по факту, т. е. после их свершения, что позволяет нам говорить о ретроспективном характере индивидуальной ответственности. Таким образом, сфера действия индивидуальной ответственности ограничена настоящим. Само содержание максимум предшествующих этик демонстрирует ограниченность непосредственного круга действия: «возлюби ближнего как самого себя»; «поступай с другими так, как желаешь, чтобы они поступали с тобой»; «подчиняй личное благо благу общественному» и т. д.

Такая пространственно-временная локализация ответственности задавалась онтологическими, гносеологическими, аксиологическими представлениями человека о самом себе и своем месте в мире. Последствия действий всегда были видны, и проблема атрибуции поступков не составляла особого труда. Коррелятивный характер свободы и ответственности указывает на ту степень свободы, которая была соразмерна для отдельной личности. Почему же индивидуальная ответственность сегодня теряет свое значение? Причины, по которым она утрачивает свои позиции, называются самые разные, мы же перечислим лишь некоторые.

Во-первых, техническая деятельность современного человека – это сложноорганизованная коллективная практика. Нет сегодня отдельного, единичного инженера, технолога, проектировщика, конструктора вне каких-либо институтов, проектных бюро, лабораторий. Более того, к процессу создания техники подключается деятельность экономистов, психологов, экологов и других специалистов, также вовлекаются те люди, кто участвует в производстве, а именно при эксплуатации техники. Высокая специализация труда приводит к сужению сферы ответственности, где человеку все тяжелее представить, за что, собственно, он сегодня ответственен. Таким образом, автономно действующий и осознающий свою ответственность человек имеет шанс раствориться и исчезнуть в интегрированных насквозь сложноструктурированных организациях. Коллективность приводит к размыванию индивидуального действия, порождает анонимность: «Все становится анонимным, –

писал К. Ясперс, – достижения одного человека тонут в достижениях других» [8, с. 122]. Анонимность коллективных действий создает иллюзию безответственности, «порождает ощущение греха без грешника, преступление без преступника, вины без виноватых!» [9, р. 18].

Во-вторых, коллективный характер технической деятельности формирует новые масштабы воздействий и последствий, которые приобретают глобальный пространственный характер. Одновременно меняются и временные параметры этой деятельности, речь идет о ее долгосрочных, отдаленных последствиях, которые переносятся на ближайшее или даже отдаленное будущее. В результате образуется разрыв, несоответствие между действиями и их результатами как во времени, так и в пространстве.

Способны ли мы сегодня оценить последствия нашей коллективной технической практики, используя ретроспективную концепцию ответственности? Очевидно, что это затруднительно даже потому, что морально-нравственные теории прошлого описывали поле фактов, исключая воздействие, оказываемое техникой на общество. Мы не в состоянии использовать врожденные и устоявшиеся представления для решения новых проблем, поскольку «...особенность современной техники, – указывает В. Хесле, – состоит в том, что она радикально превосходит способность представления» [10, с. 99–100].

Именно корреляция нравственных чувств и способности представлять, с точки зрения философа, была прочной основой для чувства ответственности, в то время как развитие современной техники приводит к разрыву между этими сферами.

Таким образом, концепция индивидуальной ответственности, ориентированная на ситуации «здесь» и «теперь» не охватывает проблему отдаленных как в пространстве, так и во времени последствий, не ориентированна на динамическую природу технологических инноваций и оценку рисков, поэтому «в эпоху глобального переплетения различных форм и путей воздействий на большие расстояния этики любви к ближнему уже недостаточно, – подчеркивает Х. Ленк. Если даже не основные импульсы, то все же условия применения этики изменились столь ощутимо, что возникают совершенно новые этические проблемы делаемости» [11, с. 386].

В-третьих, всевозрастающая опосредованность, когда технические мероприятия и их побочные эффекты затрагивают людей, не находящихся в непосредственной взаимосвязи с теми, кто вмешивается в их жизнь. Опосредованность снижает чувство ответственности, даже если мы осознаем, что наш образ жизни или наши действия, возможно, явля-

ются причиной негативных отдаленных в пространстве и времени последствий, мы не в состоянии принять на себя такую ответственность, она эмоционально чужда для конкретной личности.

В-четвертых, существование множества действующих субъектов, где проблематика ответственности далеко не всегда ограничивается рамками одной системы, одного коллектива. Когда действия многих лиц или групп лежат в пределах допустимых норм, но приводят к кумулятивным и синергетическим эффектам с вредными последствиями. При этом они могут действовать независимо друг от друга в своих интересах, конкурировать или даже действовать стратегически друг против друга. Примером тому является умирание лесов, связанное с загрязнением атмосферы и почвы. Ни одному лицу и ни одной организации в отдельности не может быть вменена ответственность за это. Вследствие этого индивидуальная ответственность минимизируется либо вовсе исключается, тогда вопрос приходится ставить об ответственности системы, человечества в целом, поэтому, – констатирует Х. Ленк, – «перед лицом кумулятивных и синергетических комбинированных воздействий уже более не может быть достаточной концепция ответственности, ориентированной на отдельное действующее лицо и направленной на изолированное действие. Приписывание индивиду не может быть осуществлено при комбинированных и коллективных процессах. Однако недопустимо, чтобы неприписываемое и все же могущее оказать воздействие, просто было предоставлено, так сказать, “его судьбе”. Это было бы “безответственно”» [11, с. 385].

Таким образом, кризис индивидуальной ответственности порожден рядом объективных причин, с одной стороны, основания, на которых базировалась идея ответственности, а именно: субъективная ориентация, отношение к ближнему, пространственно-временная ограниченность. С другой стороны, ее несоразмерность новым, изменившимся под воздействием технической деятельности условиям, таким как глобальный масштаб человеческого существования, долгосрочные и непредвиденные последствия, коллективный характер деятельности. Эти новые условия оказываются в сфере коллективной ответственности и «впервые, – указывает К. Апель, – речь идет о том, чтобы принять на себя ответственность за возможные непересматриваемые следствия коллективной деятельности человека в науке и технике, а также в политике и экономике, которые изменяет *conditio humana* в планетарном масштабе» [12, с. 242]. Ряд исследователей рассматривают идею коллективной ответственности как этический механизм контроля научно-технической деятельности. Так, Х. Ленк го-

ворит о том, что новые этические ориентации, правила и нормы должны относиться не столько к отдельной персоне, а сколько к группам, командам, коллективам. Вместе с тем философ стремится сохранить индивидуальную ответственность в условиях коллективного бытия: «Я бы назвал, – пишет Х. Ленк, – это всеобщей обязанностью коллективного несения индивидуальной ответственности в группах или, другими терминами, совместной или соучастной ответственностью (*Mitverantwortung*) – сопричастность ответственности» [6, с. 158]. Каждый несет ответственность сообразно занимаемому положению в системе, следовательно, ответственность возрастает снизу вверх. В результате в коллективной системе каждый разделяет совместную ответственность в той мере, в какой эта система зависит от его действий и от его способности конструктивно вмешиваться в ее функционирование.

Г. Йонас же, обращаясь к причинам кризиса индустриально-технической цивилизации, формулирует императив коллективной ответственности: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинной человеческой жизни на Земле» [13, с. 58]. Императив Йонаса обращен прежде всего к коллективным субъектам различного уровня. Совершая переход от концепции ответственности виновного (оценке действий после) к предотвращающей ответственности (оценке действий до), Г. Йонас возлагает на коллективные субъекты задачи калькуляции долгосрочных и отдаленных последствий технической практики.

Фактически идея коллективной ответственности представляет собой вариант нового этического проекта, некоего этического фильтра, призванного регулировать научно-техническое развитие, и имеет ряд положительных следствий. Прежде всего ввиду постоянно усложняющейся технической деятельности, различного рода взаимодействий, а именно технических, природных, социальных, разработка концепции коллективной ответственности могла бы помочь в разрешении тех противоречий, которые возникают при использовании индивидуальной ответственности. Например, решить проблему атрибуции поступков при коллективных действиях, задачу распределения ответственности, также вопрос о долгосрочных и непредвиденных последствиях.

Однако использование концепции коллективной ответственности выдвинуло проблему ее обоснования, что привело к полемике в исследовательских кругах. С одной стороны, сама идея коллективной ответственности представляется неясной, неопределенной, что позволяет исследователям отклонить ее как слишком расплывчатое. Иные воз-

ражения сводятся к тому, что в условиях высокой степени опосредованности коллективная ответственность является способом ухода от ответственности как таковой. Имеется в виду, что сама возможность коллективного принятия ответственности уменьшает степень индивидуальной ответственности и провоцирует безответственное поведение: «...угрызения совести индивида стихают, – говорит В. Хесле, – если он принимает участие в действиях, за которые не несет единоличной ответственности» [10, с. 102]. Одновременно коллективная ответственность рассматривается как «нечестная система нравственного вменения», что означает возложение ответственности на всех членов группы независимо от их участия в тех или иных действиях [14]. Противоречия, возникающие при анализе данной идеи, фундированы в классических этических принципах. Прежде всего это принцип индивидуальной ответственности и справедливости.

Коллективная ответственность элиминирует личностный аспект, именно коллектив, социальная группа, корпорация выступают источником моральной ответственности. Только личность способна принимать ответственность быть центром морального поступка. Имеет ли смысл в таком случае говорить о коллективной ответственности как о форме моральной ответственности, если известно, что моральный долг возможен тогда, когда есть индивидуальная возможность совершать или не совершать определенные действия? Способен ли коллектив по аналогии с индивидом формировать намерения? Иначе говоря, быть субъектом моральной ответственности. Второе противоречие, порождаемое идеей коллективной ответственности, – это нарушение фундаментальной посылки социальной этики либерализма, а именно уважение к различию между личностями [14]. Коллектив – это та среда, где личность событийствует с другими. Общий выбор, общий результат и общая ответственность ставят под сомнение такое понятие, как личность, которая является единственным источником моральной ответственности.

В этой связи наибольший интерес вызывают исследования, где обосновывается коллективная ответственность. Речь идет о концепции корпоративной социальной ответственности, разработка которой велась в рамках деятельности бизнес-корпораций во второй половине XX в. Именно там впервые был сформулирован вопрос о моральном статусе корпораций. Последствия данных дискуссий весьма полезны для понимания и обоснования коллективной ответственности. Исследователями К. Годпастером и Дж. Мьюньюзом [15] систематизируются подходы к пониманию сущности индивидуальной моральной ответственности. В результате исследователи эксплицируют казуальную от-

ветственность (The causal sense), предполагающую ответственность индивида за его действия. Второй тип – это ответственность, понимаемая как следование правилу (The rule-following sense), речь идет о нормах, которые человек принимает, поскольку он воплощает ту или иную социальную роль. Последний тип ответственности – это принятие решения (The decision-making sense), характеризующийся как индивидуальный независимый процесс морального рассуждения человека. Именно процесс морального рассуждения, где присутствует рациональность и уважение к окружающим, соответствует пониманию индивида как морального агента (субъекта) [15]. Одновременно эти сущностные черты могут быть эксплицированы у таких субъектов, как корпорации, что и позволяет исследователям рассматривать их в качестве моральных агентов. Тем не менее, на наш взгляд, характеристика ответственности в категориях рациональности и уважения не может быть достаточным основанием, чтобы считать коллективы субъектами моральной ответственности. Основные трудности, на которые указывают противники коллективной ответственности, заключаются в том, что коллектив в отличие от индивидов не может формировать намерения (интенции) и понимание его по аналогии с индивидуумами не допустимо.

Данное возражение отсылает нас к методологическому индивидуализму (М. Вебер, К. Поппер), согласно которому «...все социальные процессы и явления должны получать объяснения через сведение к принципам, управляющим поведением индивидов, и описание их ситуаций. Отсюда вытекает принципиальная возможность в любом исследуемом случае коллективной деятельности произвести редукцию ответственности социального целого к ответственности входящих в него индивидов» [14, с. 77]. Решение противоречия в литературе осуществляется через введение понятия «коллективная интенциональность» и «иноного» понимания личности. «Первым проявлением коллективной ответственности, – пишет А. В. Прокофьев, – ...является совокупная ответственность определенного сообщества как единичного целого. Главным основанием такой формы ответственности является наличие так называемой “коллективной интенциональности”, позволяющей авторам, признающим реальность этого явления, вести речь об определенных видах групп как об особых личностных образованиях (то есть более или менее самостоятельных субъектах вменения)» [14, с. 78]. Формулируется иное понимание личности, где личность интерпретируется шире. Так, П. Френч в работах «Корпорация как субъект морали», «Коллективная и корпоративная ответственность», «Корпоративная этика» понимает личность как субъект дейст-

вия, для которого характерно наличие намеренной деятельности, способность осуществлять анализ, особенно в случаях с негативными последствиями, принимать во внимание интересы иных субъектов деятельности. Под такое определение личности подпадают и корпорации, следовательно, они могут выступать как вполне сложившиеся субъекты морали, обладающие соответствующими правами и обязанностями. Корпорации, согласно П. Френчу, имеют «внутреннюю корпоративную структуру принятия решений» (corporations internal decision-making structure – CID), позволяющую обосновывать существование «коллективной интенциональности». Данная структура CID предполагает два элемента: во-первых, организационная структура компании, которая задает уровни распределения ответственности внутри коллектива, и, во-вторых, правила признания принимаемых решений, встроенных в корпоративную политику [16]. «Решения корпорации тесно привязаны к прошлому опыту корпоративной деятельности, – отмечает А. В. Прокофьев, – и не могут рассматриваться всего лишь как продукт индивидуальных членов совета директоров, поскольку вся процедура принятия решения глубоко институционализована и в значительной мере деиндивидуализирована. Все это, по мнению П. Френча, позволяет рассматривать корпорации как «коллективы-конгломераты», чья внутренняя идентичность не имеет жесткой связи с постоянством персонального состава» [16, с. 79].

Таким образом, мы имеем дело с корпоративными решениями, а не с решениями отдельных личностей. Попытки П. Френча обосновать моральный статус таких субъектов, как корпорации, могут быть полезны для решения вопросов, связанных с коллективной ответственностью. Прежде всего субъекты коллективной ответственности, такие как корпорации, институты, организации, име-

ют в своей основе структуры (социальные институты), являющиеся специфическими субъектами вменения нравственных норм.

В отношении технической деятельности такими структурами в коллективах могут быть этические комитеты, комиссии по экологии, институты по оценке техники, советы по корпоративной, профессиональной этике. Данные структуры – это «новые институты морали», основанные на принципах этики дискурса, открытого обсуждения всех заинтересованных сторон и совместного принятия решения. Речь идет о гуманитарной экспертизе технических новаций, общественном обсуждении технических проектов. Сама по себе дискурсивная этика направлена на коллективную ответственность и указывает на масштабы ее организации и институционализации. Сохранение структур коллективной ответственности – это долг, который воспринимается только с мерой ее коллективного исполнения, где коллективная ответственность принимается всеми членами коммуникативной общности и ее сохранение, развитие осуществляются на условиях идеального коммуникативного сообщества. Коллективный субъект принимает ответственность в пределах существующих учреждений и структур коллективного действия (в этом отношении это справедливое и ответственное действие согласно принципу дискурса и принципу дополненности), постоянно улучшает эти структуры и учреждения. Тем не менее следует предположить, что такие структуры вряд ли будут работать в иерархических коллективах, в условиях отсутствия гласности. Механизмы же «диагностирования», оценки технических проектов сейчас активно разрабатываются в литературе [17]. В целом идея возложения ответственности на организации, группы, корпорации – это объективная тенденция, которая произрастает из вышеописанной ситуации.

Список литературы

1. Жукова Е. А. Проблема классификации высоких технологий // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2008. Вып. 1 (75). С. 34–45.
2. Сколимовски Х. Философия техники как философия человека. URL: <http://philosophy.global.ru/idx/126.html>
3. Horos W. The crisis of responsibility. Man as the source of accountability / Norman, 1975. P. 8–30.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
5. Snapper J. W. Responsibility for Computer – Based Errors // Metaphilosophy, 1985. № 16. P. 191.
6. Ленк Х. Размышления о современной технике. М.: Аспект Пресс, 1996. 183 с.
7. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9–69.
8. Ясперс К. Современная техника // Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 113–140.
9. Bauman Z. Postmodern ethics. Malden.: Blackwell Pub., 2007. 255 p.
10. Хесле В. Философия и экология. М.: Наука, 1993. 205 с.
11. Ленк Х. Ответственность в технике, за технику с помощью техники // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. С. 372–392.
12. Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. 381 с.
13. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-Пресс, 2004. 480 с.
14. Прокофьев А. В. О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 73–85.

15. Goodpaster K. E., Mattheus J. B. Can a corporation have a conscience? URL: http://socialethics.us/images/Can_A_Corporate_Have.pdf
16. French P. The corporation as a moral person // American Philosophical Quarterly 16 (3): 207–215.
17. Мелик-Гайказян И. В. Концептуальная модель диагностики технологий информационного общества // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 5 (95). С. 42–51.

Платонова А. В., докторант.

Научный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: nplatonova79@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 05.06.2012.

A. V. Platonova

TOWARD THE NOTION OF COLLECTIVE RESPONSIBILITY: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

In this article the author deals with on the notion of collective responsibility, which is discussed in different studies. Increasing interest to the collective responsibility is a result of the changed technological activity. In the article the author declares that the notion of individual responsibility is limited in the complex conditions of the collective activity. However, turning to the idea of collective responsibility has also some controversies, which the author attempts to explain and suggest ways to overcome them.

Key words: *moral responsibility, individual, collective and corporate responsibility, scientific and technological activity.*

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: nplatonova79@inbox.ru